

ОТЗЫВ официального оппонента

на диссертацию ДОРОФЕЕВОЙ АНАСТАСИИ СЕРГЕЕВНЫ
«Эсхатологический миф в индуизме:
эволюция и типологические параллели»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.14– философия религии и религиоведение

Эсхатологические представления в религиях мира – сложный и многогранный феномен, требующий взвешенной методологии, поскольку эсхатология тесно связана с моделями восприятия исторического времени – циклической, линейной и маятниковой. Этим обусловлена актуальность темы диссертации Анастасии Сергеевны Дорофеевой, взявшей за реконструкцию индуистских эсхатологических представлений с помощью свободного авторского синтеза различных методологических установок (С. 11).

На материале индуистского эсхатологического мифа Анастасия Сергеевна предлагает собственное решение герменевтической проблемы – возможности и границ применения религиоведческих эсхатологических категорий, сложившихся при изучении авраамических религий, к традициям других религий (С. 6). Это решение приобретает особую научную значимость при отсутствии специального исследования эсхатологического мифа индуизма в отечественной науке. Основываясь на общеполитическом подходе к эсхатологии как универсальному феномену, Анастасия Сергеевна убедительно показывает, что *универсальными* являются общие базовые элементы – эсхатологический кризис, мировая катастрофа/суд и возобновлённый мир, а уже на них выстраиваются *специфические* для конкретного социокультурного пространства мифологические представления о конечной судьбе мира, общества, человека. Решение общей теоретической проблемы в диссертации строится на основе реконструкции базового мифологического сюжета о Калки.

«Реконструкция эсхатологического мифа на основании пуранических первоисточников с определением места индуистских эсхатологических представлений в религиоведческой компаративистике» поставлена как цель диссертации (С. 10). Для её достижения Анастасия Сергеевна со знанием дела определила методологию исследования, в которую вошли принцип историзма, принципы структурного анализа, метод компаративного анализа и рабочие понятия функции, атрибута и суперструктуры. Особо отмечу внимание автора к содержанию используемых понятий, которые являются методологическими инструментами. Исследование носит философский и религиоведческий характер, однако в методологическом разделе не обозначены общие теоретические основания, которые задают подход к анализу и интерпретации. Их можно видеть по самому тексту – как, например, различие линейного и циклического способов моделирования исторического времени. Работа Анастасии Сергеевны могла бы только выиграть от чёткого обозначения философского подхода и

метода в разделе Введения о методологии. В целом же эффективность избранной методологии доказана результатами исследования.

Анастасия Сергеевна представила обстоятельный обзор трудов, посвящённых как пуранической литературе, так и индуистской эсхатологии, мифу о Калки. Раздел этот мог бы выиграть, если бы в него были включены работы, касающиеся религиозных и методологических аспектов темы. К сожалению, в нём не учтены новейшие монографии и статьи отечественных индологов Я. В. Василькова и М. Ф. Альбедиль, касающиеся эпической мифологии, представлений о времени в соотношении с мифом и др.¹

Анастасия Сергеевна построила исследование на обширном круге оригинальных и переводных источников и продемонстрировала достойные навыки профессионального индологического источниковедения. В главе первой обстоятельно рассматривается литература итихаса-пуран, которые являются, с одной стороны, широким контекстом существования образа Калки, с другой же – содержат собственно эсхатологический миф индуизма. Анастасия Сергеевна рассматривает происхождение пуран и их историческое соотношение с «Махабхаратой», справедливо уделяя особое внимание социальной среде, в которой пураны возникли (с 18–19). В развитии пуранической традиции несомненно отразилась конкуренция кшатриев и брахманов за влияние на умы традиционного общества, и автор подчёркивает, как по всей вероятности кшатрийские по происхождению пураны стали в итоге неотъемлемой частью брахманской идеологии, транслируемой через сюжет (С. 29–30). Далее, в главе третьей Анастасия Сергеевна специально акцентирует компоненты брахманской идеологии, вошедших в мифологические представления (в частности, о Парашураме), – всё происходящее в эсхатологическом сюжете в итоге оказывается осуществлённым ради брахманской варны и поддержания дхармы (опять же усилиями брахманов) (С. 120–122, 126–128). Благодаря вниманию к варновому контексту автору удаётся показать социальную подоплёку индуистской эсхатологии.

Тщательный анализ литературы итихаса-пуран с опорой на достижения отечественной и зарубежной индологии и с учётом существующих дискуссий и проблем позволил Анастасии Сергеевне создать основание для работы с интересующим её мифологическим материалом о Калки. Однако в этой части диссертации остаётся недостаточно ясно обозначенной её исследовательская позиция в каждом из разделов первой главы, так как дискуссионные и проблемные вопросы логически должны вести к экспликации точки зрения автора – выбор теоретической позиции, или же синтез разных подходов. Чёткая авторская позиция появляется в разделе 1.5, когда Анастасия Сергеевна производит историческую хронологизацию материалов о Калки и определяет как наиболее древние и неизменные «рождение Калки в семье брахманов,

¹ Альбедиль М. Ф. Мифологема Золотого века: прошлое как предвосхищённое будущее // Аспекты будущего (по этнографическим и фольклорным материалам). СПб, 2012. С. 13–32; *Её же*. Моделирование времени в традиционной индийской культуре // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН. СПб., 2010. С. 3–6; Васильков Я. В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб, 2010.

предназначение Калки – убийство млеччхов и установление мирового благоденствия в Крита-юге, перечисление Калки в порядке аватар Вишну» – вокруг этого образа идёт формирование атрибутивных структур в содержании поздних пуранических текстов (С. 54).

Глава вторая «"Индуистский мессия": структура образа» представляет произведённый Анастасией Сергеевной обстоятельный анализ мифологического образа Калки – собственно заявленную реконструкцию мифа по первоисточникам. Реконструкция начинается с обозначения базовых положений теории *аватар* Вишну, последней и самой своеобразной из которых и является Калки: конкретность образа, фиксация во времени и компенсация дхармы. Эта теоретическая конструкция создаёт основание универсальной модели, приложимой к мифологическому материалу о Калки (С. 58–59). Умело оперируя принципами и категориями отечественного и зарубежного структурализма и религиоведения (К. Леви-Стросс, С. Л. Невелева, В. Я. Пропп, В. Д. О'Флаэрти), Анастасия Сергеевна выдвигает и доказывает гипотезу о том, что каждая модель аватары может быть представлена как общность мифологических функций и мифологических атрибутов, отражающих глубинный смысл и содержание образа (С. 66–67). Для доказательства гипотезы автор сначала описывает глубинные мифологические структуры Калки – функции, которые он исполняет. Во-первых, это функция времени – он осуществляет переход между двумя контрастными способами существования мира как беззаконного (кали-юга) и благочестивого (крита-юга), и рождается в особом хронотопе – Шамбхале, интерпретируемой автором как «временная воронка, где кали-юга еще не завершилась, а крита-юга еще не настала» (С. 72). Во-вторых, это солярность Калки; Анастасия Сергеевна показывает, что солярные атрибуты Калки – не специфические, и отсылают к другим функциям – власти, дхарме и др. В-третьих, это функция дхармы – Калки рождается в брахманском роде для уничтожения повреждённой дхармы и её восстановления. В-четвёртых, Калки исполняет функцию возмездия – осуществляет правосудие, наказывая варваров и грешников – нарушителей дхармы, а также побеждает млеччхов, персонифицирующих угрозу исполнения дхармы. Обстоятельное описание функций Калки помогло строго упорядочить множественные и разнообразные данные пуран и обозначить смысловое ядро эсхатологического образа Калки как грядущего защитника и восстановителя дхармы. Ещё одной заслугой диссертанта стало решение проблемы сложного атрибута – Калки представляется в образе всадника на белом коне. Анастасия Сергеевна делает важный вывод о том, что брахман Калки, на коне исполняя функцию возмездия, обретает достоинства кшатрия, и тем самым объединяет характеристики обеих варн и становится выше принципа социального деления. Смешение высших варн и одновременно трансцендентность Калки системе дхармического мирового порядка оценивается как способствующее эффективной борьбе с адхармой (С. 81). Внимание Анастасии Сергеевны к социальному варновому контексту мне видится одним из главных достоинств проделанной ею работы, т. к. идеология брахманов так или иначе воплощается в эсхатологических мифах и работает на поддержание социального порядка традиционного общества. В этом смысле диссертант следует методологической

установке петербургского индолога, специалиста по кастовой системе Е. Н. Успенской, которая предлагала видеть и в текстах, и в нормах компоненты брахманских социальных технологий, с помощью которых они организуют традиционное общество и управляют им².

Впечатляет и проделанная во второй главе теоретическая работа. Анастасия Сергеевна обосновала правомерность применения термина «эсхатология» к любой религии (т. к. в каждой есть эсхатологический компонент), но с учётом их различий по представлениям об историческом времени. Восточное представление о времени создаёт циклический тип эсхатологии, воплощённый в эсхатологическом сюжете о Калки. Анализируя по материалам «Вишну-пураны» «всемирный» кризис Кали-юги, предшествующий явлению Калки, автор скрупулёзно выявляет многослойность этого кризиса, затрагивающего все сферы жизни – от духовной до биологической (С. 86). С приходом Калки достигает высшей точки деградация мира и одновременно начинается его преображение – последовательными действиями этого индийского аналога Мессии (С. 88). Калки тоже вершит суд, уничтожает млеччхов и грешников, встреча с ним кардинально меняет его противников, превращая их в эталоны исполнения дхармы и т. д. Специфику суда и действий Калки Анастасия Сергеевна справедливо видит в механистичности эсхатологического суда Калки: поскольку ответственность за грех – условна, а ухудшение дхармы – заданный параметр мироустройства, то и категории греха, вины, ответственности и наказания относительны, а покаяние умирающего мира противоречит дхарме, выходящей на новый цикл (С. 91). Сопоставление – явное и неявное – мифа о Калки с эсхатологией христианства (в частности, Калки-юги с христианским хилиазмом) помогло высветить относительность самого торжества победителя и дхармы, которой отличается индуистская вселенская эсхатология.

Кроме того, во второй главе Анастасия Сергеевна показала, как эсхатологический сюжет о Калки встроен в вишнуистские, шиваистские и шактистские религиозно-философские суперструктуры. Несомненной удачей диссертанта мне представляется описание механизма инклюзии этого мифа в разные религиозные традиции; хорошо показано, что с одной стороны, миф о Калки «присваивается» каждой из них, а с другой – консолидирует эсхатологические манифестации всех индуистских божеств сюжетом кали-юги (С. 97–98). В разделе, посвящённом описанию последней аватары Вишну в «Калки-пуране», скрупулёзно выявлена инклюзивистская стратегия вишнуизма, который вбирает в себя шиваитские и буддийские элементы, привлекает философию вишишта-адвайты с её идеей личного бога Ишвары, – и всё это ради демонстрации того, что единственно верной является вишнуитская традиция. Анастасия Сергеевна своим исследованием «Калки-пураны», по сути, вносит вклад в развенчание устойчивого представления об индуизме как всеприемлющей и терпимой религии, которая никого не преследует и всех принимает. В частности, в пуране врагами Калки являются буддисты (С. 100–

² См. Успенская Е. Н. Антропология индийской касты. СПб, 2010.

101), что демонстрирует вытеснение негативного отношения к иноверцам и «нарушителям дхармы» в сферу мифологии и передачу их «преследования» богам и героям.

В третьей главе «Индийский эсхатологический миф в компаративистском пространстве» Анастасия Сергеевна сопоставляет эсхатологическое содержание образов Парашурамы, Реванты, Будды Майтрейи и Калки – сначала внутри индуистской традиции (Парашурама, Реванта), затем – между индуистской и буддийской религиями. Здесь также описаны инклюзивистские стратегии внутри индуизма (шиваитский инклюзивизм в случае с мифом о Парашураме, влияние образа Реванты на становление образа Калки) и в отношении буддизма. Сравнение с образом Будды-Майтрейи привело к доказательству несомненного влияния его на формирование образа Калки – следствие инклюзивистской стратегии вишнуизма (С 144-145). Прделанная работа в области компаративного изучения эсхатологии во внутрицивилизационном пространстве в должна быть продолжена, и я советую Анастасии Сергеевне в дальнейших исследованиях выйти в пространство межрелигиозных сравнений за пределы индийских (индуистских и буддийских) религиозных традиций.

В результате исследования решены все поставленные задачи и получено новое знание, а именно: эсхатологический сюжет о Калки представлен как динамическая группировка элементов мифологического образа, которые являют собой живой поток, где трудно отделить один элемент от другого (С. 149), а сам миф показан как «полноценная модель сюжета о конце времен в рамках эсхатологии циклического типа», сопоставимая – несмотря на различия – с эсхатологическими моделями авраамических религий (С. 150–151).

Помимо уже высказанных советов и замечаний я добавила бы ещё два.

1. Исследование могло бы выиграть от рассмотрения этического содержания индийской эсхатологии. Вопрос об этике в индуизме – один из самых интересных и недостаточно изученных. В частности, Нирад Чоудхури доказывал, что индуистскому сообществу всегда недоставало этических ценностей; это выражается в первую очередь в том, что «моральные заповеди составляют только часть во внушительной массе запретов, которые регулируют каждый аспект жизни индуса»³. Индийский культуролог считает индуизм этически незрелым, что выражается в неразвитом моральном сознании и чувства личной ответственности у его адептов. Причина тому – недостаточность самой идеи воздаяния и «всеобщее и неискоренимое допущение, что боги – подкупны (venal), что допускает и погрешимость божественного порядка, что позволяет людям в этом подражать богам»⁴. Я надеюсь, что в дальнейших исследованиях Анастасия Сергеевна уделит внимание этой теме.

2. Я бы посоветовала Анастасии Сергеевне в дальнейшем более чётко разграничивать собственно индийских учёных, действительно исследующих индуизм, от мыслителей XIX в.: последние хотя и дают интерпретации мифов,

³ Chaudhuri Nirad C. *Autobiography of Unknown Indian*. Mumbai, Delhi: Jaico Publishing House, 2003. P. 523.

⁴ Ibid. P. 529.

аватар и прочих реалий индуизма, не обязательно делают это в научных целях. Среди них есть учёные – как бенгальский филолог и общественный деятель Кришномохан Банерджи (1813–1885), изучавший пураны и осуществивший их первое издание (1862) (его разработки упоминаются на С. 37), а есть Кешобчондро Сен (С. 58), общественный деятель и религиозный реформатор, чьи интерпретации скорее философские, заданные темами, которые он развивает в своих выступлениях и статьях: они не основаны на научном анализе.

Высказанные замечания несколько не снижают моей высокой оценки диссертации Анастасии Сергеевны; скорее рекомендациями, призванными стимулировать её новые исследования в области религиоведения.

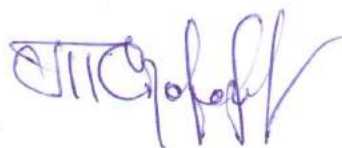
Представленное Анастасией Сергеевной исследование вносит значительный вклад в разработку темы эсхатологии восточных религиозных традиций и сравнительное религиоведение.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации, также как и 6 публикаций соискателя, среди которых 3 статьи в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК РФ.

Диссертация Дорофеевой Анастасии Сергеевны «Эсхатологический миф в индуизме: эволюция и типологические параллели» отвечает всем требованиям пунктов 9–14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к докторским диссертациям. Автор диссертации заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.14 – философия религии и религиоведение.

25 апреля 2018 г.

Доктор философских наук,
кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры «Теория
и практика социальной работы»
Федерального государственного бюджетного
учреждения высшего образования
«Пензенский государственный
университет»

Т. Г. Скороходова

завещаю

Ученого Совета

О.С. Дорофеева